
МУРЗИЛКА
8
август

Наши писатели

С. Я. Маршак

Его веселые книжки знают все ребята. Помнишь его стихи „Колеса“ и „Дразнилки“?

Л. А. Кассиль

Он написал про „Буденышей“, „Алешку Рязань“, „Кондуит“ и еще много интересных книжек.

А. Барто

И ее книжки ты, наверное, знаешь. Помнишь про „Братишек,“ про „Болтунью“, про „Санитарок“ и др.?

В. В. Смирнова.

У нас были напечатаны ее сказки: „Октябрьские мальчики“ Подарок“ и др. Ты читал ее книжку „Манои“?

К. Чуковский

Кто из ребят не читал его книжек. „Солнечная“, „Мойдодыр“, „Муха-Цокотуха“ и еще многих веселых стихов для ребят?

К Паустовский

У нас в журнале ты читал про „Упрямого Мамеда“. Его книжки ты с интересом прочтешь, когда будешь постарше: „Карабугаз,“ „Колхида“.

С. З. Федорченко

Она написала много веселых книжек о зверях и загадывала тебе загадки у нас в журнале.

А. Гайдар

Это его рассказ „Невидимки“. Он написал много детских книжек: „Школа“, „Дальние страны“ и др.

О. В. Перовская

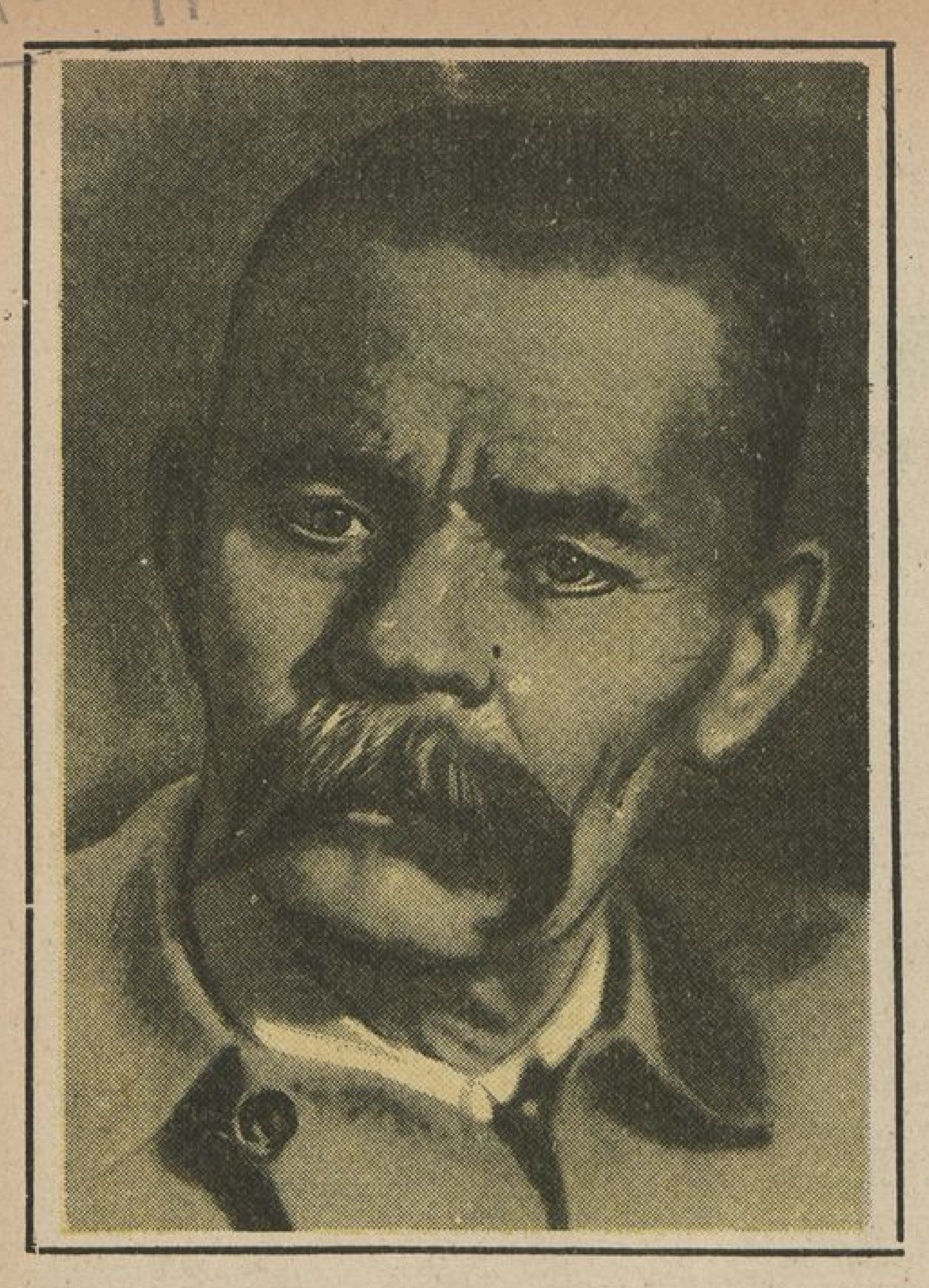
Помнишь рассказ про „Дедушкин пиджачок“? Ты, наверное, читал ее книжку „Ребята и зверята“. Прочти „Остров в степи“.

МУРЗИЛКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ АВГУСТ 1934 № 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕТГИЗ. Москва, Б. Черкасский, 7. Тел. 71-89

Наш Горький

Во всех библиотеках нашего большого Союза — у твоего отца дома, у тебя в школе, у меня в комнате — есть книжная полка. На ней длинный ряд книг, а на корешках напечатано: „Максим Горький“.

Эти книги называются: „Детство“, „В людях“, „Мать“, „Мои университеты“, „9-е января“, „Итальянские сказки“, „Клим Самгин“.

О чем эти книжки? — О тяжелом детстве, о рабочих людях, о трудной жизни в проклятое царское время; о том, как готовились рабочие свергнуть царя и хозяев.

О тысячах разных людей написаны эти книги: о рыбаках и пекарях, о малярах и волжских грузчиках, о купцах, рабочих, революционерах и о детях.

В этих книжках течет широкая Волга, волнуется Черное море, горят большие южные звезды, шумят большие города.

Когда ты вырастешь и возьмешь любую из этих книг, ты не сможешь оторваться от нее. Ты будешь волноваться за тех, про кого в ней написано, горевать вместе с ними и радоваться их радостями. Так всегда бывает, когда читаешь интересную книгу.

А когда ты прочтешь книгу и закроешь ее, тысячи разных мыслей родятся у тебя в голове. Так бывает, когда прочтешь хорошую книгу.

Тебе захочется быть сильным и крепким, тебе захочется для всех трудящихся свободной и радостной жизни, тебе захочется петь. Так бывает, когда прочитаешь настоящую, замечательную книгу.

Вот почему так любят книги Максима Горького, вот почему Максим Горький — любимый писатель советской страны.

Его зовут Алексей Максимович Пешков. Ему сейчас 66 лет. Он очень высокого роста. У него светлые, ясные глаза, и он умеет особенно, по-хорошему, улыбаться.

Попроси, чтобы тебе прочли книгу „Жизнь и приключения Максима Горького“, и ты узнаешь про детство Алексея Максимовича и про то, как он был грузчиком, пекарем, маляром и как он стал знаменитым пролетарским писателем.

Его книги читают всюду — и в Америке и в Европе. Его пьесы играют везде — и у нас, и в Японии, и в Италии. Он дружит с лучшими писателями всех стран. Ему пишут рабочие, крестьяне и революционеры со всех концов земного шара. И тысячи, тысячи детей пишут ему письма.

Теперь Алексей Максимович — председатель Союза советских писателей.

Недавно Алексей Максимович получил от ребят-пионеров больше двух тысяч писем. Ребята просят хороших книжек и пишут о том, какие они любят книги, чем они интересуются.

15 августа собирается съезд советских писателей. На этом съезде Алексей Максимович и писатель С. Я. Маршак расскажут об этих письмах и требованиях детей ко всем писателям. Алексей Максимович поможет писателям написать для ребят эти книги, потому что Алексей Максимович — наш старший товарищ и лучший учитель.

Ему немало уже лет, а работает он не покладая рук, как работают наши лучшие ударники. Он редактирует книги, указывает, какие книги нужно издавать, он помогает молодым советским писателям в их работе.

Ленин был его другом. Его любит т. Сталин и лучшие большевики, лучшие люди нашей родины.

Вот почему мы подписали гордо и радостно под этим портретом „Наш Горький“.

Оксана Иваненко
Худ. Е. Зернова

Украинская писательница Оксана Иваненко.

ДЕДУШКИН ГЛОБУС

(Рассказ девочки)

Вот уж никогда не думала, чтобы такая напасть да на мою голову. И так было все складно да ладно, а теперь идешь в школу, и свет не мил.

Вчера мама меня уже спрашивала: „Что это ты надулась, как мышь на крупу?" Ну, а я ей пока еще ничего не сказала.

Вообще-то школу я очень люблю. И меня там любят. Больше всего я дружу с Борисом, Татьянкой, Рахилькой и Левкò. И Ганна Юрьевна у нас славная. Особенно я люблю ее на уроках географии.

Ну, так вот. Все было хорошо, и все шло своим чередом. И на-те вам. Надо было мне взять на буксир Сашкà. Вы не знаете Сашкà? О! Во-первых, это головорез на всю ФЗС, во-вторых, он такой задавака, что и слушать-то его противно. Все-то он знает лучше всех, и всех-то он умнее.

Только не подумайте, что он и правда все знает и задачи умеет решать. Ничего похожего. Он всегда хвастает, что он самый сильный, что он фокусы умеет делать, кривляется, всех передразнивает, а учится плохо. Отстает по всем предметам, а географии совсем не знает.

И вот, представьте себе, Ганна Юрьевна говорит:

— Пусть Сашкò подтянется, а Майка его на буксир возьмет.

Я как услышала, так просто остолбенела. А Сашкò нос задрал и говорит:

— Она сама-то каждый день опаздывает, а еще на буксир возьмет.

— Мы уже так решили, чтоб Майка тебя на буксир взяла, — сказал Борис и так посмотрел, что и возражать нельзя. — Весь наш класс до октябрьских праздников должен подтянуться. А на праздниках мы кое-кого в пионеры переведем.

Борис — в учкоме. Разве его не послушаешься? До октябрьских праздников! А может быть, и я хочу, чтобы меня в пионеры перевели, а тут навязали мне этого Сашкà.

Я все-таки к нему по-хорошему подошла.

— Сашкò, приходи ко мне вечером. Мы сразу задачи решим и географию выучим.

— Э, пустяки! — шмыгнул носом Сашкò (это у него привычка такая). — Я и без тебя решу. Они чепуховские.

— Ты приходи, — говорю, и стараюсь ласково так говорить. — У меня много интересных книжек и глобус есть.

— Подумаешь! Глобус. Не видел я глобуса, — опять шмыгнул носом Сашкò.

— Не видел глобуса! Конечно, не видел. У меня такой, какого ни в одной школе и даже в магазине не найдешь. Он с лепными горами. Это старый, дедушкин глобус.

Бегу я домой и думаю: хорошо бы меня в пионеры перевели. Я очень люблю, когда наш пионеротряд в одинаковых майках и трусиках марширует и поет. И так я представила себе, что уже марширую с ними, спрыгнула в канаву и иду. А канава полна листьев — с деревьев нападало. Листья желтые, красные, золотые, коричневые. Совсем как сухарики и так — шурх-шурх. Я очень люблю вот так ногами в листьях шуршать. Шуршу и вдруг слышу:

— Хха! По улицам ходить не умеет, а еще других на буксир берет.

Это Сашкó — стоит и зубы скалит. И так мне стыдно стало.

— А тебе какое дело? — сказала я и — скорей домой.

Сашко вечером так и не пришел. Я одна быстренько решила задачи. Арифметику я тоже люблю, только остатки ненавижу.

На всякий случай написала задачки на отдельном листочке. Пусть Сашкó хоть утром перепишет, а то теперь мне же будет стыдно, если он ничего не будет знать. Потом выучила географию и взяла глобус. Он такой большой-большой. Мы придумали с ним такую игру: закрутить его быстро-быстро, потом ткнуть пальцем и рассказывать про то место, куда палец попал. Если в Африку, то про Африку: кто там живет и про разных зверей. Если в Германию, так про Германию. Но чаще всего не мы, а дед мой рассказывает. Он уже старый, много ездил и много видел.

На другой день Сашкó — как ни в чем не бывало — усмехнулся, шмыгнул носом, взял у меня задачки и переписал. И ему совсем-совсем все равно, что я о нем забочусь. А по географии спросили его какие-то пустяки, так я ему подсказала.

„Э, — подумала я, — нехорошо это. Так и ударничество мое провалится и буксир ни к чему. Он не учится, а только обманывает, а я помогаю. Так настоящие пионеры не делают“.

И опять говорю:

— Приходи ко мне.

И опять он не пришел. А в классе безобразничает. Смастерил себе рогатку и не только в коридоре во время перемены стреляет, но даже и на уроках.

Недели за две до проверки, перед октябрьскими праздниками, решила наша школа устроить показательный день. Показательный день учебы и дисциплины. А перед этим устраивали мы интернациональный уголок. Повесили мы картинки из жизни зарубежных ребят и рабочих и лозунги. Ничего, хорошо вышло.

Борис сунул руку в карман и совсем как взрослый сказал:

— А знаете, товарищи, если бы в наш уголок еще Майкин глобус поставить да красную лампочку, было бы очень красиво.

— Я сбегаю домой, принесу, — сказала я.— У мамы и красный фонарик для фото есть.

И мигом на улицу домой.

— Дедуся, у нас выставка... Интернациональный уголок... И меня в октябрьские праздники в пионеры переведут. Можно глобус взять? Он мне очень, очень нужен.

— Что ж, если нужно, возьми. Только, смотри, не сломай. Это старинная и очень ценная вещь.

Помчалась я с глобусом и уже около школы вспомнила, что красный фонарик забыла. Отдала глобус Боре и опять домой, за фонариком. Прибегаю с фонариком, вхожу с класс, и что же я вижу! Ребята возятся в лозунгом, а этот противный Сашкó стоит и целится из своей проклятой рогатки прямо в глобус.

Я как завизжу, а он как выстрелит! И вижу я — на глобусе дыра и не одна. Тут уж я не стерпела, схватила глобус да этим глобусом Сашкó по голове.

— Глобус портить! Ты знаешь, какой это глобус? — А сама плачу, плачу, прямо как из нулевки, а не из третьего класса.

Ребята окружили нас. Борис строго так смотрит и говорит:

— А еще ударница! Майка, Майка!

— А он Майке гадость сделал! — голосит Татьянка.

— Вон его из нашего класса! — кричит Рахилька.

— Я бы на месте Майки не так бы еще, — заступился за меня Левко, а Сашку сказал тихо: — Ты как вредитель у нас.

Сашкó покраснел, как Борискин галстук, вдруг схватил мой сломанный глобус и убежал из класса.

Все были так сердиты на Сашка: он разрушил наш уголок, он испортил такую хорошую вещь... Только Боря молчал. А про меня и говорить нечего. Я ревела, ревела, со слезами и домой пришла. А как увидала дедусю, еще пуще заревела.

— Да что с тобой? — испугалась мама.

— Глобус... пропал!... — еле вымолвила я и жду: вот дед начнет кричать. А он, как Борис, ничего не сказал и пошел к себе. Уж лучше б кричал.

Я сейчас же в постель и ужинать не стала.

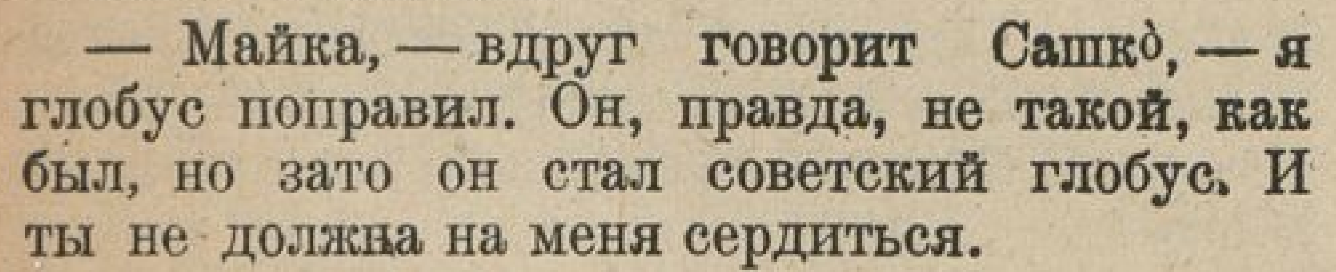
Долго я не могла заснуть. А завтра показательный день, еще проспишь вдобавок.

Утром кто-то в окно тук-тук. Я к окну. Сашко стоит. И такой серьезный, на себя не похожий, кричит:

— Я за тобой зашел! Ты всегда ведь опаздываешь, а сегодня показательный день.

И такой он был серьезный и странный, что я ему ничего не сказала, быстро оделась, умылась и вышла на улицу.

Идем и молчим.

— Майка, — вдруг говорит Сашко, — я глобус поправил. Он, правда, не такой, как был, но зато он стал советский глобус. И ты не должна на меня сердиться.

— Воображаю, — буркнула я. Уж очень я была не в духе: и глобус испорчен, и я такая „ударница": Сашко по голове ударила. Иду и молчу.

В школу мы пришли рано. Скоро собрались все наши.

— Ну что же, наш показательный день будет немножко грустный, — говорит Ганна Юрьевна. — Мы должны разобрать проступок Сашко и Майки.

— Я исправил глобус... я не вредитель... — тихо прошептал Сашко. — Я только сделал из него новый глобус. Как раз где прострелил, я прорезал дальше, и вышел новый канал...

Все засмеялись, и даже Ганна Юрьевна.

— А тут, — продолжал Сашко уже смелее, — будет канал между Черным и Каспийским морем. А тут я налепил Магнитогорск.

И развертывает он глобус, а там и правда новые каналы сделаны и крохотным флажком обозначен наш Советский союз.

— Майка, смотри! — вдруг закричал Борис. — Ничего страшного, совсем новый, да еще наш, советский глобус!

— А сколько я с ним провозился! — тихо сказал Сашко, а сам улыбается. — Зато я знаю теперь и моря, и горы, и наши новостройки, и все меридианы.

По правде сказать, мне тоже показалось, что глобус — ничего. Столько нового наклеил на него Сашко, совсем другой стал глобус. Я посмотрела на Сашко и тоже улыбнулась.

После этого случая мы с Сашко страшно подружились. Он заходит за мной по утрам, чтобы я не опаздывала. А в школе мы помогаем друг другу. Только не списываем.

Перевел с украинского Б. Шатилов

М. Андриевская

ЗАГАДКИ

1. Костяная спинка, на брюшке щетинка.

По частоколу попрыгала, — всю грязь повыгнала.

2. Меж двух озер стоит бугор.

И сопит, и дует, и запах чует.

3. Тело бело, а зеленая рубашка к осени загорела.

А. Барто
Худ. М. Михаэлис

Повесть о том,

как поссорились Левка с Людой и что из этого вышло

Начало ты читал в прошлом номере

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой говорится о том, как Люда уговаривала Левку писать под диктовку, и о договоре, который они заключили.

— Ну, пиши!
— А ты пляши.
— А зачем же мне плясать?
— А зачем же мне писать?

— У тебя по-русски „неуд".
Я должна тебе помочь.
— Я решил, что буду неуч, —
убирайся лучше прочь.
— С удовольствием ушла бы,
прикрепили сильных к слабым.
Я помочь тебе должна
по поручению звена.

— Плюнь два раза в потолок,
тогда я выучу урок.

— Ты сошел с ума!
— Тогда учи сама.
— Ты подводишь все звено!
— А купишь мне билет в кино?
— Ну, послушай, ну, пиши!
— Ну, послушай, попляши!
— Не подумаю плясать.
— А я не думаю писать.

Долго длился этот спор.
— А если мне поставят „хор",
тогда ты с завтрашнего дня
будешь слушаться меня.

Долго длился этот спор.
Был составлен договор:

„Я, Лева, даю слово
завтра знать урок
и явиться в срок".
„А я даю за это слово
слушать Леву Соколова.
Шилова Людмила".
И пусть не высохнут чернила...

Договор у Левки есть.
Приближается и месть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой Люда попадает в очень неприятное положение и вынуждена прибегнуть к хитрости.

Что была у Левки мать,
что она ложилась спать,
что садилась есть она —
это все естественно.
Но что ночью в три часа,
когда день не начался,
стала всех будить она, —
это удивительно.
— Вызывайте докторов,
видно, сын мой нездоров,
видно, нету моченьки, —
встал он среди ноченьки.

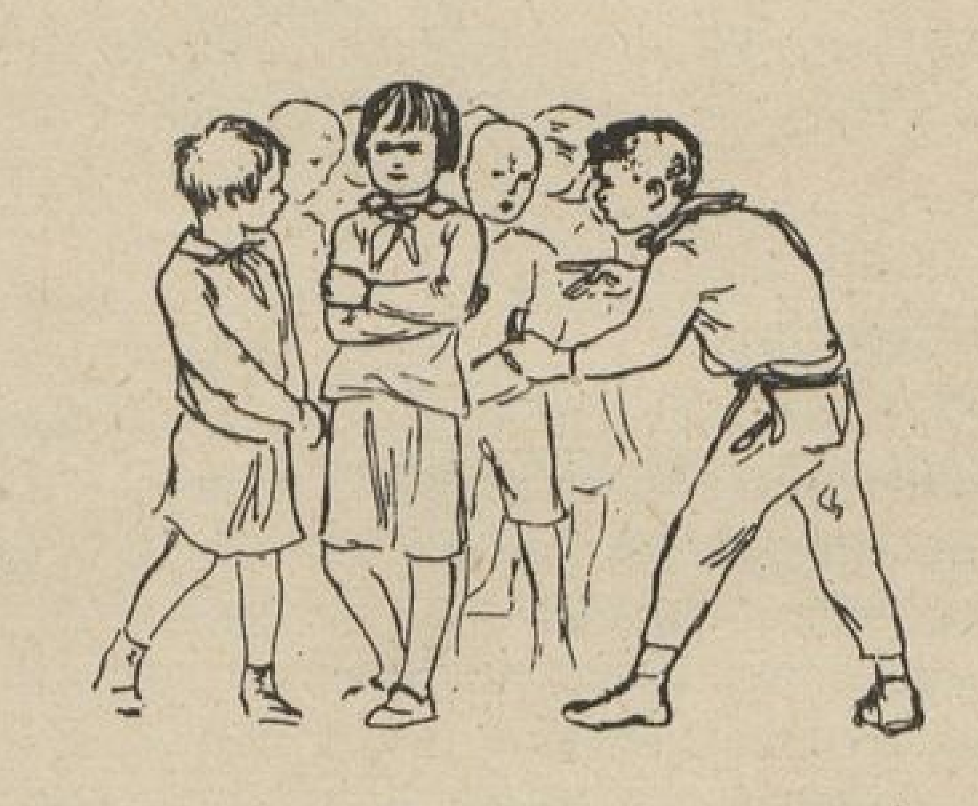
Не собрался ль помирать —
ночью взялся за тетрадь.
Никогда он у меня
не писал средь бела дня...

Вы на Левку поглядите:
он идет, как победитель,
он подходит к Шиловой
с видом Ворошилова.
Ну, сейчас случится чудо:
мне послушной станет Люда,
каждый мой приказ она
исполнять обязана.

Я приказываю, значит,
за меня решить задачу.
—Не дорос до командира,—
покраснев, сказала Ира,—
хочет, чтобы Шилова
за него решила бы.
Все звено глядит на Люду.
— За тебя решать не буду.
Что же скажут в третьем Б,
если я решу тебе?
Я тебе давала слово
слушать Леву Соколова.
Слово не нарушится,—
слушать, а не слушаться...

— Это жалкая уловка! —
возмущенно крикнул Левка. —
Это...
В класс вошел учитель.
— Это вы здесь так кричите?

ИЗ СЕДЬМОЙ ГЛАВЫ

вы узнаете об уроке Музо, о секретной записке и о том, как Левка, наконец, отомстил. Все это вы сейчас прочтете, хотя вам и будет мешать пенье.

„Есть у нас красный флаг,
он на палке белой.
Понесет его в руках
тот, кто самый смелый.
Есть у нас красный флаг...“
в такт поют ребята.

А у Шиловой в руках
письмецо зажато.

„Люда, ты меня не любишь...
(Это Ирка пишет Люде.)
И нужна теперь тебе
Варя Бек из класса Б.

Вас видала я вчера
с Варей на бульваре.
Между нами выбирай —
между мной и Варей“.

„Мы—красная кавалерия,
и про нас...“
громко и уверенно
поет весь класс.

Решила Люда Шилова
открыть для вида рот.

Пишет Люда Шилова
и будто бы поет:
„О том,
как в ночи ясные,
о том,
как в дни ненастные...“
„Мы же с ней в одной квартире...
тихо пишет

Люда Ире. —
Она по географии просила ей
помочь:
ты, говорит, поправь меня,
чтоб было бы на „оч".

Запели песню новую:
„На штык флажки
и с песнею в стрелковые
пойдем кружки.
Когда война-метелица
придет опять..."
Левка вдруг нацелился —
записку Люды хвать!

И когда за дружный хор
получили все „оч. хор.",
Левка выкрикнул: „Позор!
На каком ты основании
помогаешь Варе Бек,
если мы соревнование
объявили классу Б?"

И, подумавши вначале,
все ребята закричали:
„На каком ты основании
помогаешь Варе Бек,
если мы соревнование
объявили классу Б?"

Созовем совет отряда,
обсудить нам это надо.
И кулак сжимает Лева:
„Мы поступим с ней сурово.
Проучу я эту Люду,
или я не Левка буду!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

для всех неожиданная. В ней говорится не о совете отряда и не о том, как все ребята, рассердившись на Люду, перешли на сторону Левки, и не о том, как Люда плакала вечером дома.
В этой главе говорится о большой перемене на большой перемене.

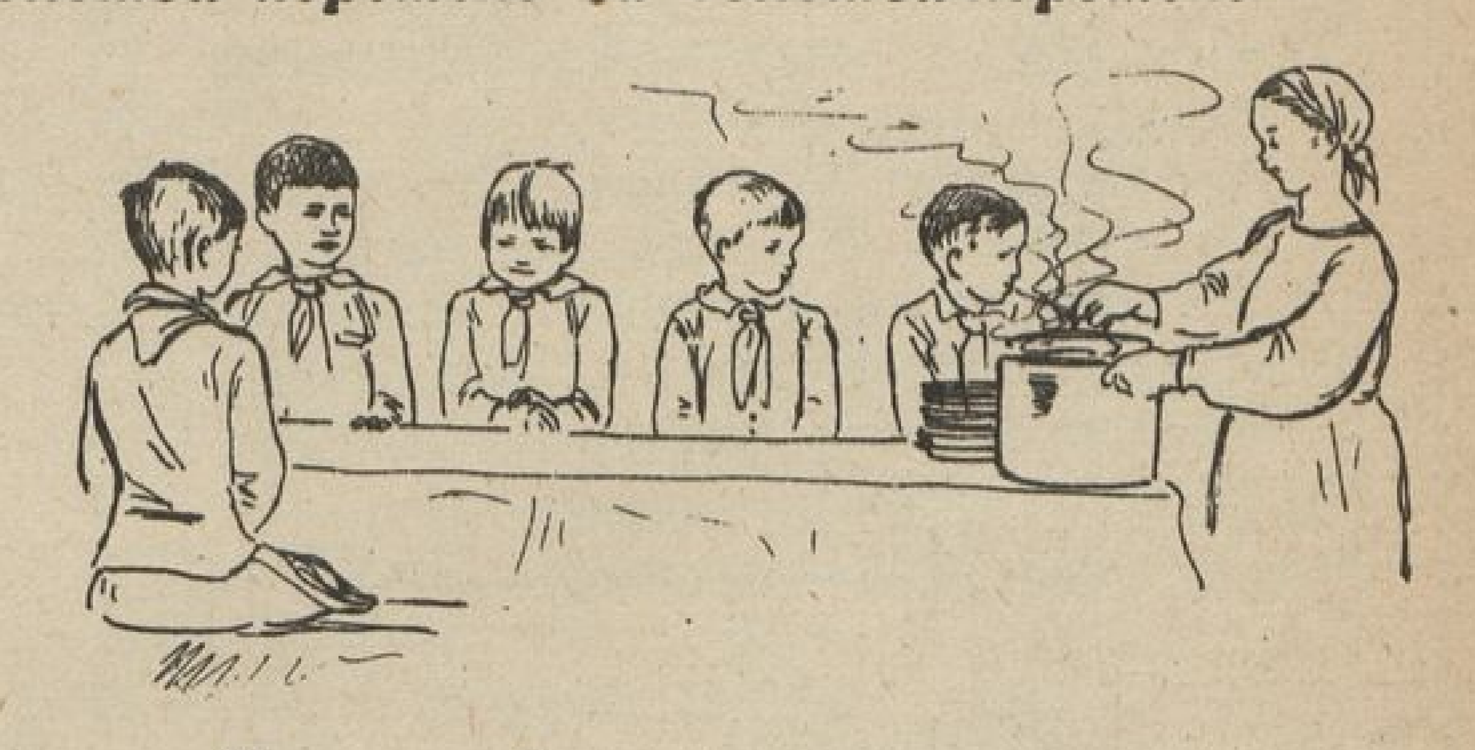
Гром такой обычно в зале,
что не знаешь: там гроза ли,
или там базар весенний.
Может, там землетрясенье?..

А сегодня в зале игры.
Если б в зал явились тигры,
если б львы сюда явились,
мы бы меньше удивились.

Все в прекрасных отношениях,
в красных галстуках на шеях.

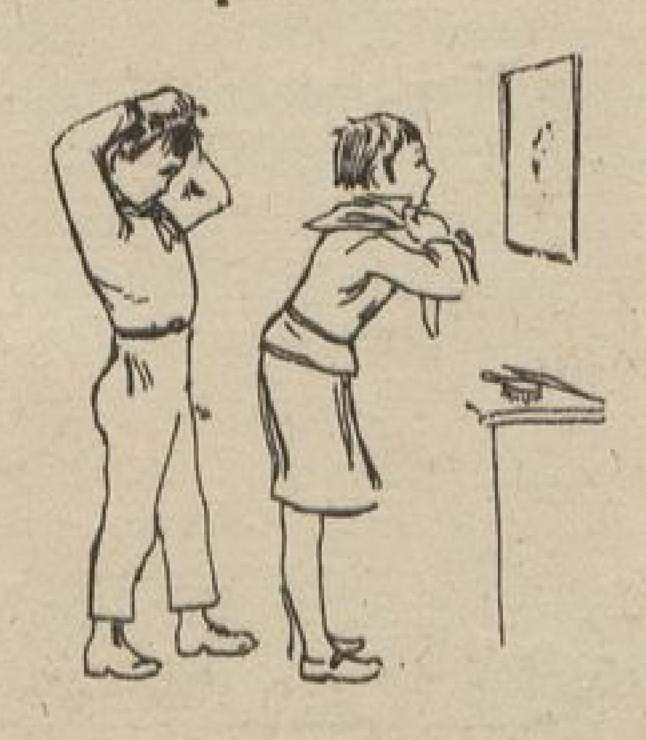
Красный галстук видел виды,—
покраснеть бы мог с обиды.
То его в кармане носят,
то совсем не принесут,
то з него сморкают носик,
то концы его сосут.

А сегодня он на шее.
Он разглажен, а не смят.
Ах, как все похорошели!
Поглядите на ребят.

Крик такой всегда за чаем,
Что за этот крик отчаянный?
Двести двадцать замечаний
каждый школьник получает.
А сегодня (что вы, что вы)!
не кричит никто в столовой,—
там порядок образцовый

А взгляните в коридоры.
Позабыты ссоры, споры.
Вид у мальчиков ученый,
и никто не бьет девчонок.

Нет, не выразить словами
восхищенья перед школой.
Это все соревнование.
Запишите в протоколы.

Протоколы в печку бросьте.
Просто в школе нынче гости —
пять гостей из Наркомпроса.
— Покажите, — гости просят, —
как у вас в столовой, в зале...
Ну, ребята показали.

Продолжение читайте в следующем номере

Книга на кирпиче

Видишь разные значки клинышками? Эти значки — старинные письмена, а написано на кирпиче имя бога Ормузда.

Давно-давно, когда еще и Москвы и других наших городов не было, на юге, далеко от нас, жил такой народ — сумары. Так писали сумары. Возьмут они сырой мягкий кирпич и на нем со всех сторон лопаточками и острым ножиком выдавливают свои письмена. Потом кирпичи обжигали в печи, как для построек. Так и получались книги-кирпичики.

Сумары давно вымерли. От городов их не осталось и следа, все песком и землей занесло. А кирпичные книги под песком уцелели. Ученые их выкопали и с большим трудом разгадали, что значат эти письмена.

Письма на горшках

А это — письма, написанные на горшках.

Из сырой глины лепили горшок. Острой лопаточкой царапали на нем значки. И так значками писали, сколько собрано пшеницы, как уродился виноград, здоровы ли дети.

Обжег такой горшок со значками — вот и письмо готово. В такое письмо, в горшок, накладывали фруктов, и рабы несли его на носилках.

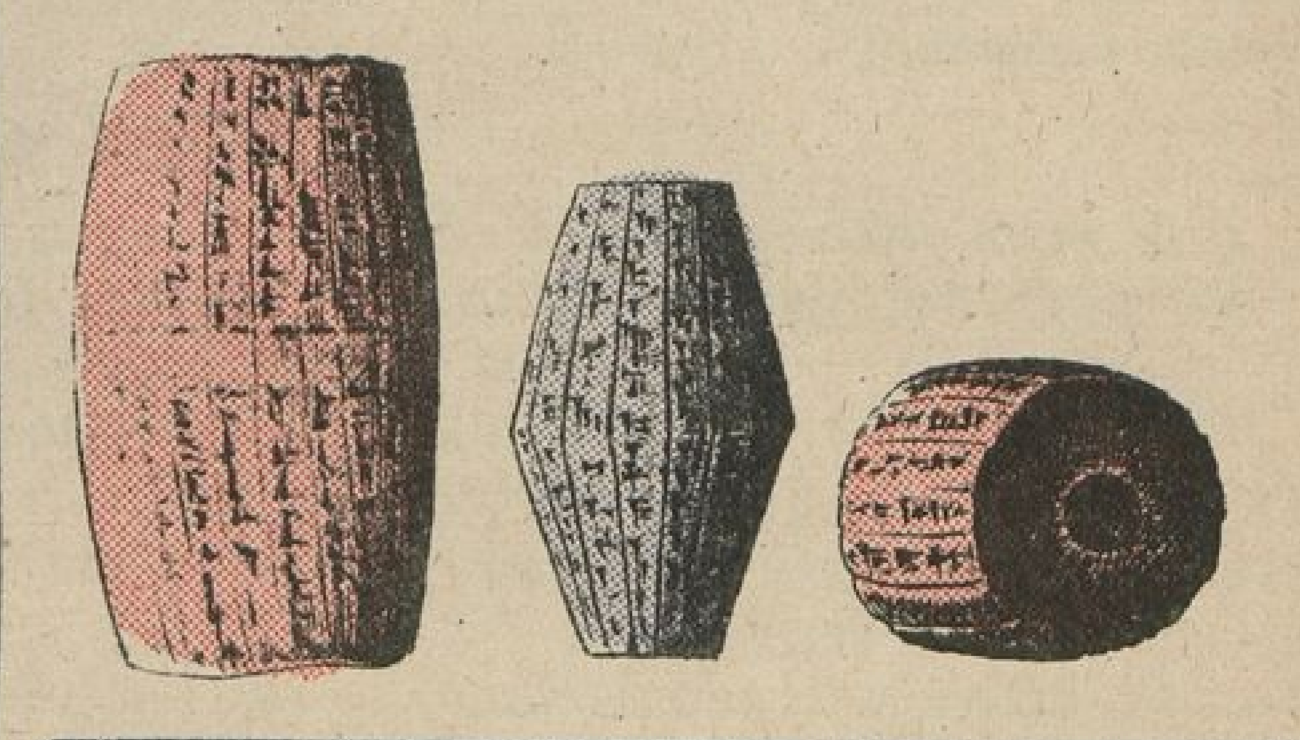
Так писали в древнем-древнем городе Вавилоне. И вавилоняне давно вымерли, а земля сохранила до нас эти горшки-письма.

На картинке нарисовано, как рабы несут царю письмо.

Книжки из глиняных трубок

А это — книги, написанные на глиняных трубках.

На такой глиняной трубке писали с наружной стороны, а внутри место пропадало зря. Делали таких трубок несколько: и потолще и потоньше. Таким образом получалась книга со страницами из трубок.

Бумага с болота

В древней стране — в Египте — писали на бумаге, которая росла на болоте. Срезывали особый тростник, его осторожно очищали и надрезывали мягкую сердцевину растения. Потом ее искусно разворачивали; получались широкие и длинные белые листы. Эти листы особенным образом приготовляли, разглаживали, сушили. А потом на них писали, как на бумаге. Такая бумага называлась папирус. При раскопках ученые находят папирусы и в наше время. А на них — разные звери, птицы, — это вместо букв и слогов. У нас под картинкой написаны имена египетской царицы Клеопатры и царя Птоломея.

В старину

А. И. Молодчиков
Худ. В. Веретенников

Скриба

А это — писец в древнем городе Риме. Звали его скриба. Он писал без бумаги, без чернил, а прочесть и до сих пор можно.

Скриба доставал гладкие дощечки, покрывал их тонким слоем пчелиного воска и по воску писал заостренной палочкой.

Книжки—свитки

На картинке нарисованы старинные книжки—свитки. Писали тогда на длинном-длинном листе. Напишут и свернут в трубочку, а когда нужно прочесть, развертывали. Развернут кусок, прочтут и опять свернут трубочкой.

Это было очень неудобно, но до книжки со страницами люди тогда не везде додумались.

Приказный

Вот — русский боярин диктует писцу указ или приказ.

Так в старину в России писали. Писали специальные писари. Они назывались приказными потому, что под диктовку царя или бояр, которые тогда правили Россией, часто писали приказы.

На шее у приказного болталась чернильница. За ухом — гусиное перо наготове, и песочница с песком припасена. Напишет гусиным перышком и присыплет песком, вместо промакашки.

Приказные часто сидели на улице и ждали заказов. Заплатят ему пятак или дадут калач, он и напишет жалобу в суд или письмо кому-нибудь.

Грамотных тогда было очень мало. Писаря тогда можно было найти в Москве, у кремлевских ворот, или в Китай-городе, где жили бояре и купцы.

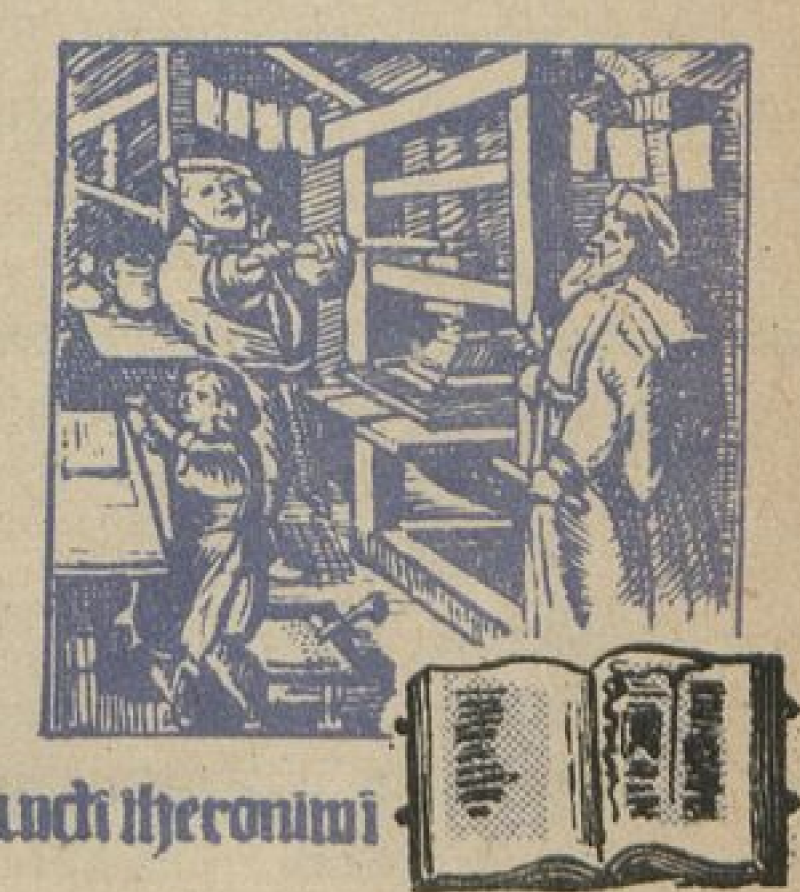
Первая печатная книга

Долго люди писали не только письма, но и книги от руки.

Нашелся человек в Германии, Иоганн Гутенберг, который придумал печатать книги. Он вырезал выпуклые маленькие деревянные буквы. Из букв составил слова, из слов строчки, из строчек получил страницу. Смазал страницу краской, закрепил в станке и наложил чистый лист бумаги. На бумаге отпечатались буквы всей страницы.

Так была отпечатана первая книга.

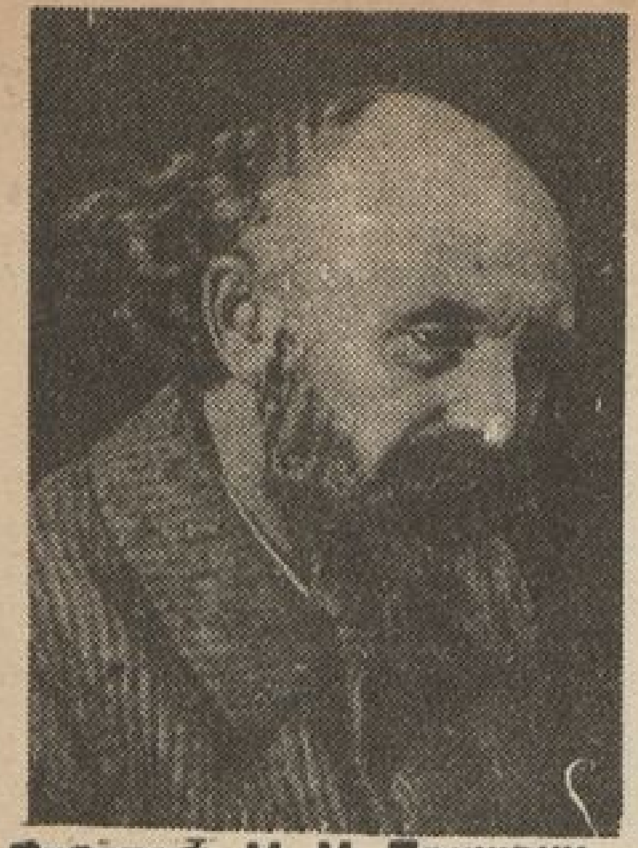
Гутенберг оказал великую услугу людям. С того времени стали печатать книги сначала на станках, а потом на печатных машинах.

Incipit epistola sancti heronimi

Михаил Пришвин
Худ. Р. Барто

Писатель М. М. Пришвин

ТЕРЕНТИЙ

Многие думают, что до крайности трудно вырастить у себя тетерева. Раньше у меня тоже ничего не выходило, и пойманные тетеревята хирели. Но теперь я научился и вырастить у себя тетерева считаю для себя делом не очень трудным. Сильно росистым июльским утром я пускаю собаку в то место, где водятся тетеревиные выводки. Мокрый от росы тетеревенок боится взлететь и бежит в траве, а собака за ним потихоньку идет. Так мы доходим до кочки. Тетеревенок спрячется в кочку; собака станет в упор. Раздвинешь осторожно траву, заметишь перышки... Цап!—и в шляпу. У меня таковская шляпа.

В деревне пойманному лесному гражданину прежде всего надо найти подходящую квартиру. Ныне живущий у меня Терентий, о котором я и рассказываю, вырос в подполье у милой хозяюшки нашей Домны Ивановны. Самое главное, я считаю, на первых порах—надо бояться застудить тетеревенка: они в это время очень зябкие и кволые. Корм начинают есть без всяких хлопот, только надо, конечно, знать, что дать. Если совсем маленьким взять, то надо кормить муравьиными личинками. Но я таких маленьких тетеревят никогда не брал, — незачем это: с собакой я всегда могу поймать в росу и хорошо летающего, окрепшего тетеревенка. В неволе он очень скоро привыкает к голосу. Бывало кричишь ему:

— Терентий, Терентий! Тереха, Тереха!..

Он и бежит. Голову вытянет, ждет. Червячка ему, он и глотнет, другого, третьего... Чем надо кормить, знаешь по времени: я приношу с охоты тетерева и смотрю, что у него в зобу,—бывают ягоды можжевельника, брусника, черника, клюква. Зимой к корму, запасенному летом, — клюкве, бруснике, — прибавляешь немного овса, потом больше, больше, и так приучишь к этому обыкновенному корму, и тетерев живет тогда без всяких хлопот.

Потешно было с нынешним моим Терентием, когда я поймал его и принес к Домне Ивановне. Мы на летнее житье издавна уж ездим к этой Домне Ивановне, и я так приучил ее к своему охотничьему языку, к охотничьим своим птицам, что бывало, когда соседский петух станет забивать ее петуха, она бросается на вражеского петуха с прутом и ругает его:

— У, бекас, длинноносый, страшный!

Пойманного Терентия эта Домна Ивановна устроила в подполье, и в первый день он там все молчал. Рано утром на следующий день, когда только что стало светать, слышно мне было наверху, как он там в подполье забегал и стал по-своему свистеть:

— Фиу, фиу!

Или, по-нашему:

— Где ты, мама?

Сильней и сильней свистит:

— Фиу, фиу! Да где же ты, наконец?

Слышу, Домна Ивановна из кухни сквозь сон отвечает, как мать отвечает сквозь сон человеческим детям:

— Милый ты мой...

И так пошло у них. Тетеревенок внизу:

— Фиу! Где ты, мама?

Домна Ивановна сверху сквозь сон:

— Милый ты мой...

Потом, видимо, тетеревенок нашел нашу

ягоду и замолчал. А я отлично умею по-тетеревиному, я просвистел:

— Фиу, фиу! Где ты, мама?

И Домна Ивановна сейчас же ответила:

— Милый ты мой...

Осенью этого Терентия, в полном черном пере, с хвостовыми косицами лирой и красненьким гребешком, я перевез к себе в город, пустил на чердак и всю зиму кормил овсом. Весной у меня на чердаке начался настоящий тетеревиный ток. И это так непривычно, так невероятно — в городе токующий тетерев, — что сосед мой, слесарь Павел Иванович, долго верить не хотел и думал, что это я сам, охотник, потешаю себя и бормочу по-тетеревиному.

Однажды я зазвал его к себе, велел снять сапоги. На цыпочках, босые поднялись мы совершенно бесшумно на чердак.

— Смотрите, Павел Иванович, — прошептал я.

И позволил ему из-за моей спины посмотреть. Сам, конечно, пригнулся. Терентий, хорошо освещенный из слухового окна, ходил по чердаку кругом; на пригнутой к полу его голове горел его петушиный гребень яркокрасным цветком, хвост раскинулся лирой, и посвоему он пел; эту песню свою он взял у весенней воды, когда она, переливаясь, журчит на камешках — так хорошо! Время от времени, однако, эта прекрасная, но однообразная песня ему как бы прискучивала. Он останавливался, высоко поднимал вверх свой пурпуровый цветок на голове — прислушивался, воображая врага, и с особенным лесным звуком „чу-фы“ подпрыгивал вверх, как бы поражая невидимого противника.

Слесарь Павел Иванович не мог долго оторваться от этого дивного зрелища, и, когда, наконец, я напомнил ему о работе, мы спустились.

ТЫ ОТГАДАЛ

„Загадки в седьмом номере Мурзилки“?

Первая—это лагерь т. Шмидта.

Вторая—герои Советского союза.

Е. Благинина
Худ. В. Васильев

ЯБЛОКИ

Ветер облако пасет.
Петя яблоко несет.
Вон какое круглое,
золотое, смуглое!
Полюбуйся, посмотри —
видишь, зернышко внутри!

Ветер облако несет.
Петя яблоню трясет.
Я стою под ней внизу
и антоновку грызу...
Вдруг летит с верхушки яблоко
и... бац — по картузу.

Угодило ишь как, —
на макушке шишка!
Все кричат: „Бедняжка!
Вот тебе медяшка.
Приложи да подержи,
подержи да полежи!“

Ну, а я — стою внизу
и антоновку грызу.
Вдруг летит большое яблоко
и... бац — по картузу.
Я кричу: „Довольно!
Это очень больно!“
Я кричу и хохочу
и ногами топочу!

А. Гарф
Худ. А. Каневский

Добрый Хазар Ходжа

(Дагестанские сказки)

Был очень добрый человек Хазар-ходжа. Пришел к Хазар-ходже лис. Зарезал курицу.

— Кушай на здоровье, лис,— сказал Хазар-ходжа,— тебе тоже есть надо.

Пришел к Хазар-ходже волк. Зарезал овцу.

— Волку тоже есть надо.

Пришел медведь. Зарезал лошадь.

Барс пришел. Хазар-ходжу съел.

— Ой! — крикнул Хазар-ходжа, попав к барсу в глотку. — Ой! кушай на здоровье, — тебе тоже есть надо!

Поперхнулся барс и выплюнул Хазар-ходжу.

— Нет, — говорит, — я таких дураков не кушаю.

ДОГАДЛИВЫЙ ХОДЖА

Не спится Хазар-ходже. Слышит шум, крик. Накинул одеяло. Вышел на улицу.

Хулиганы одеяло отняли и убежали. Возвращается Хазар-ходжа, говорит жене:

— Это из-за нашего одеяла шумели. Давай теперь занавеской накроемся.

Накрылись. Спят.

А воры утащили все добро Хазар-ходжи и разбежались в разные стороны.

Проснулся Хазар-ходжа. Видит, опустела комната.

Завернулся в занавеску Хазар-ходжа и вышел из дома.

— Куда ты идешь, ученый человек?

— На кладбище, воров ловить. Все мы будем там. В конце концов и они туда попадут.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ХАЗАР-ХОДЖА

Был у Хазар-ходжи жирный баран.

Захотелось лисичке этого барана украсть.

— Помоги мне, волк.

— Я пса боюсь,— отвечает волк.

— Помоги мне, пес.

— Я Хазар-ходжи боюсь.

— С Хазар-ходжей я сама справлюсь. Только не лай.

Замолчал пес. Волк пригнулся к земле и—прыг через забор. Схватил барана. Перекинул его через спину и бегом, бегом в лес.

Увидал Хазар-ходжа, погнался за волком.

— Остановись, хозяин,— крикнула лисичка,— волк не виноват!

Поднял Хазар-ходжа нагайку, побежал за псом.

— Остановись, хозяин,— крикнула лисичка,— пес не виноват!

Погнался Хазар-ходжа за лисичкой.

— Остановись, хозяин,— запищала лисичка.— Ой, я не виновата!

— Кто же виноват?

— Кто виноват? Конечно, баран. Это он, бессовестный, нас всех своим мясом соблазнил.

Взмахнул Хазар-ходжа топором. Отрубил барану хвост. Взмахнул топором. Отрубил барану голову.

— Вот тебе, баран! Вот тебе, бессовестный!

Вытер топор. Пошел домой.

А звери баранину ели да посмеивались:

— Хороший человек Хазар-ходжа, справедливый человек. Надо будет к нему завтра притти, быка унести.

МЕСТЬ ХАЗАР-ХОДЖИ

Замучили Хазар-ходжу клопы. С подушки стряхнет — на одеяло влезут. С одеяла стряхнет — на матрац заползут. Не может он уснуть. Рассердился на клопов Хазар-ходжа и поджег кровать.

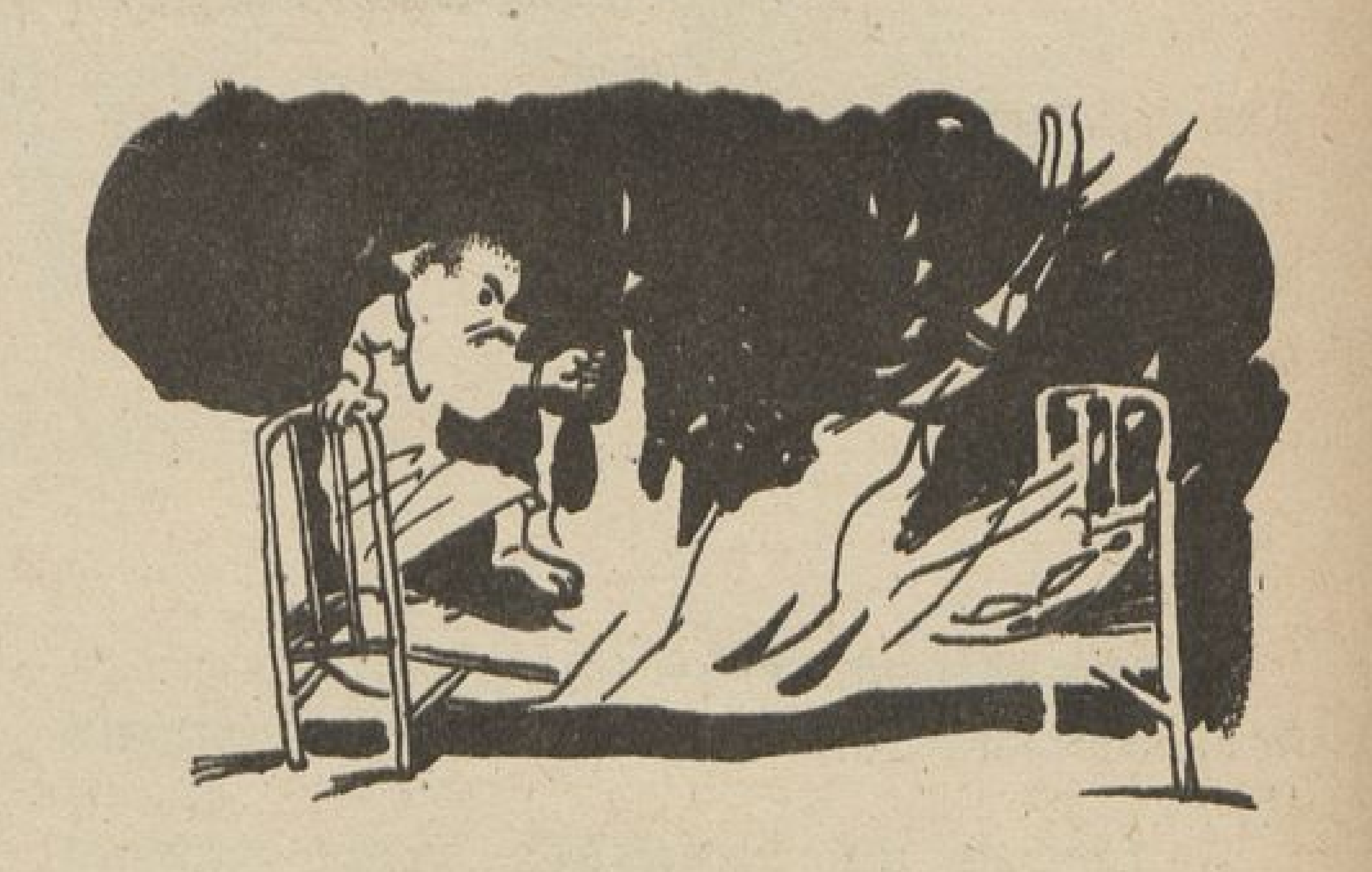
Чуют соседи чад, видят соседи дым — испугались, прибежали к Хазар-ходже.

— Вставай, вставай — погибнешь!

— Погибаю,— отвечает Хазар-ходжа.— Ой, плохо мне! Но зато клопам еще хуже.

Еле-еле спасли соседи Хазар-ходжу. Не дает он тушить кровать.

— Пускай,— говорит, — я погибну, но зато и клопам смерть.

СМЕРТЬ ХАЗАР-ХОДЖИ

Пошел Хазар-ходжа за хворостом. Нашел в лесу иголку. Увязал ее с дровами. Понес домой.

Высыпал хворост. А иголки нет. Ищет-ищет, ищет-ищет. А иголки нет.

— Дурак ты, дурак! — смеются соседи. — Надо бы иголку в платье воткнуть.

Пошел Хазар-ходжа в поле. Нашел косу. Воткнул ее в платье. Проткнул себе сердце насквозь.

— Ах, — заплакал он, умирая. — Ах! Никогда, никогда, никогда не буду я слушаться соседей.

Ирина Залетаева
Худ. Д. Горлов

Про то, как медведица медведя обижала

Как пригрело солнце в марте,
лужицы просушивая,
народились в зоопарке
медвежата плюшевые:
два живых комочка,
сыночек и дочка.

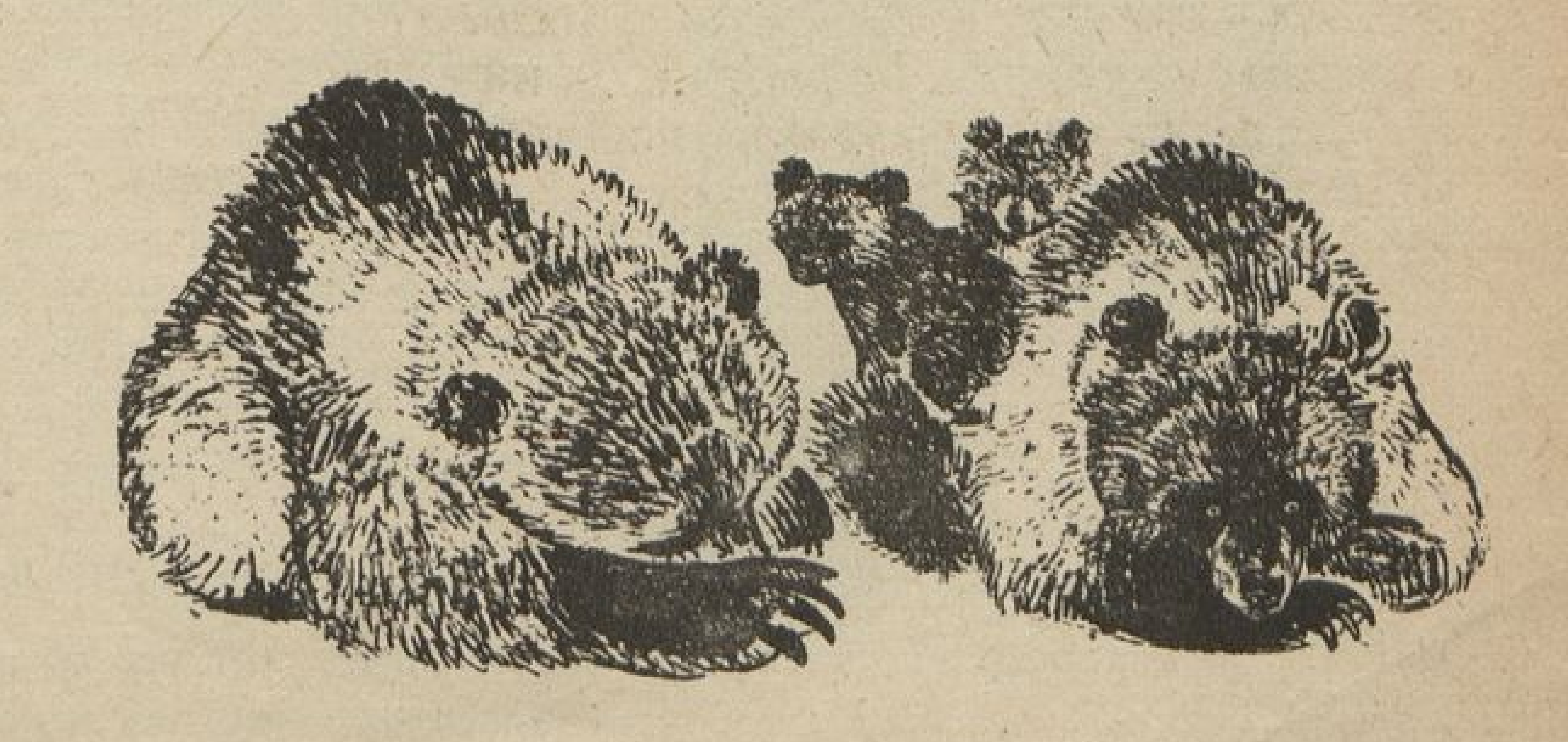

Подошел было медведь
медвежат поглядеть,
а медведица его не пустила.
Как ударит лапой:
— Медвежат не цапай!
Он и думать позабыл
про сынка и дочку,
уши лапами прикрыл
в теплом уголочке.
А медведица опять рассердилась:
— Здесь теплее и светлей,
здесь удобней для детей!
Так вот в угол из угла,
не переставая,
Мишку бедного гнала
медведица злая.

Так до вечера гулял
папа косолапый.
Топал, топал, оттоптал
все четыре лапы.
А когда не стало сил,
медведицу попросил:
— Пусти меня, медведица,
к детям присоседиться.
Я лягу тихонько,
подвину их легонько.
Не обижу медвежат,
пусть тихохонько лежат.

И медведица ему позволила.

ПЕСЕНКА-БЕСКОНЕЧКА

Е. Благинина
Рис. С. Берендгоф

Синий день тенями двигал,
шел по стежкам, по тропам.
Желтый луч на елке прыгал
между игол и пропал.
Никуда он не пропал,
просто на траву упал.
Тронул розовые кашки,
покачался на ромашке,
одуванчик растрепал,
поскользнулся и пропал.
Никуда он не пропал,
просто в ельничек попал.
просто день тенями двигал,
шел по стежкам, по тропам...
Желтый луч на елке прыгал,
между игол и пропал.
(и читай дальше: никуда не пропал...)

Н. Плавильщиков
Худ. Н. Машкова

Знаешь ли ты?

1. КАКОЕ ДЕРЕВО САМОЕ ВЫСОКОЕ?

Эвкалипт. Это не наше дерево, оно растет в Австралии. Оно бывает до 150 метров в высоту. Это все равно, что дом в 50 этажей. У нас эвкалипты сажают на Кавказе. Только эти у нас еще не такие высокие. Не успели вырасти. Из листьев эвкалипта получают эфирное масло, которое употребляется в медицине.

А в Америке мамонтовы деревья растут. По виду они на нашу сосну похожи. Мамонтовы деревья немного пониже эвкалиптов — 140 метров.

Из наших деревьев елка всех выше. Есть елки в 60 метров. Сосна пониже елки, а дуб и совсем невысокий, всего 20—35 метров, вдвое ниже елки.

2. КАКОЕ ДЕРЕВО САМОЕ ТОЛСТОЕ?

Толще всех деревьев бывает каштан. Видал ты каштаны, такие, вроде орехов? Есть один каштан,

у которого ствол в поперечнике 20 метров. Если такого толстяка спилить, то на его пне уместится целая толпа людей. А руками его могут обхватить не меньше десяти человек.

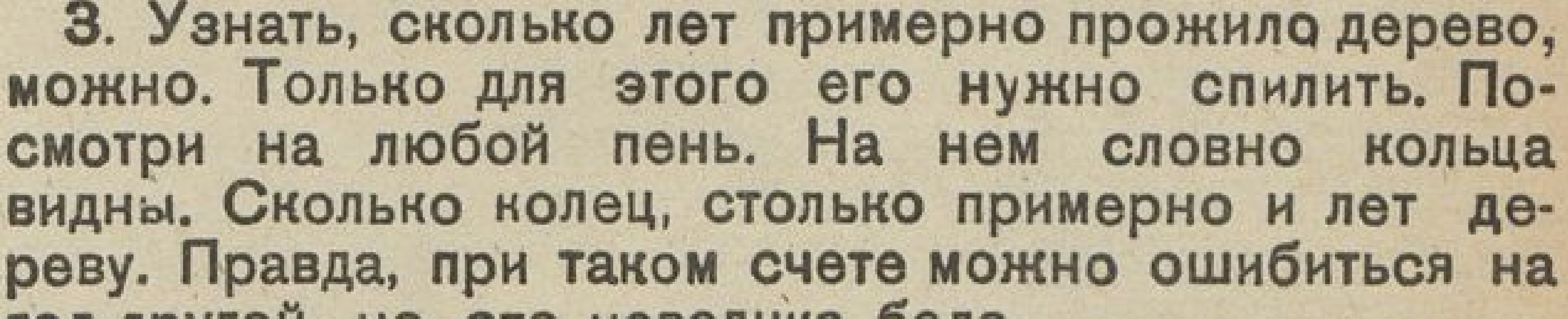
Эвкалипту до каштана далеко. Он бывает всего 8 метров в поперечнике. Мамонтово дерево бывает потолще — 11 метров. Дуб и тут отстает — всего 7 метров в поперечнике. Липа потолще — 9 метров, а высокая елка совсем тонкая. Всего в ней 2 метра — в десять раз меньше, чем в каштане.

В толстом дереве можно коридор прорубить, по такому коридору можно на тройке проехать. Такое дерево и на самом деле есть. В Америке в мамонтовом дереве прорубили коридор и ездят сквозь него как в ворота. И дерево ничего, не засохло.

КАКОЕ ДЕРЕВО ЖИВЕТ ВСЕХ ДОЛЬШЕ?

3. Узнать, сколько лет примерно прожило дерево, можно. Только для этого его нужно спилить. Посмотри на любой пень. На нем словно кольца видны. Сколько колец, столько примерно и лет дереву. Правда, при таком счете можно ошибиться на год-другой, но это невелика беда.

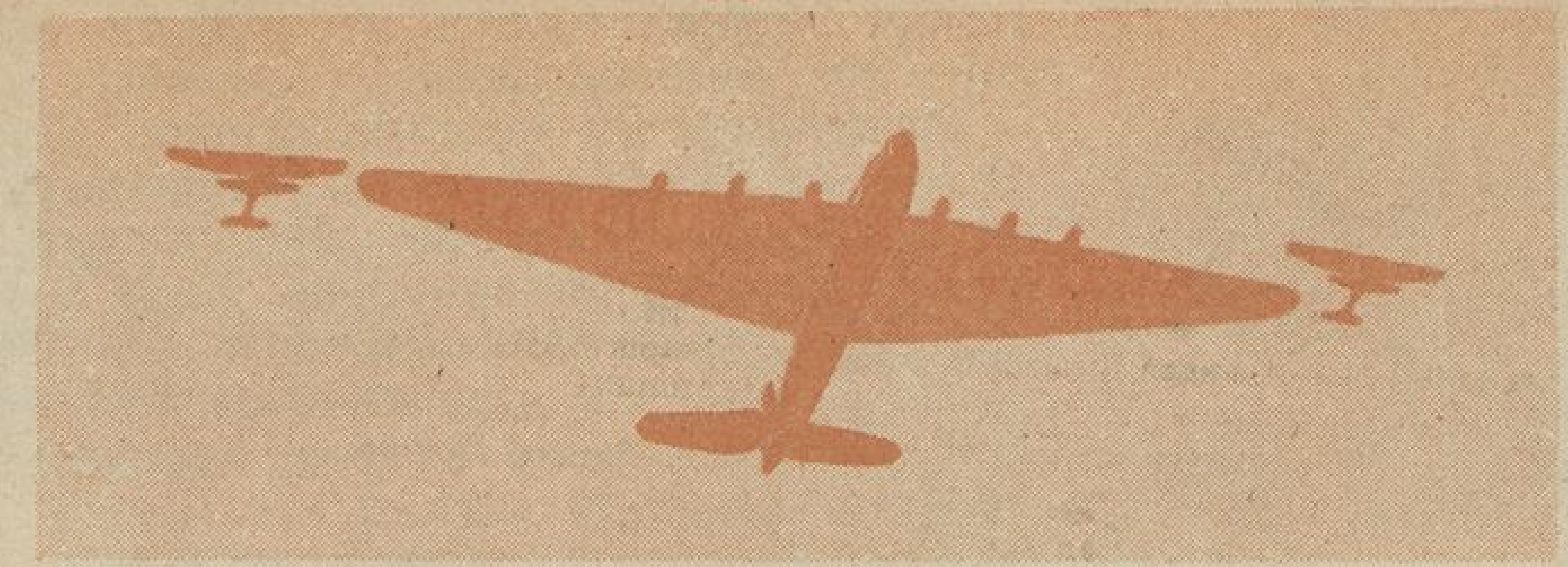
У живого дерева, на корню, колец не увидишь. Тут узнать, сколько лет дереву, трудно. И все-таки ученые узнают, правда приблизительно. Есть каштаны, есть дубы по две тысячи лет от роду, липа—в тысячу лет. А одному кипарису посчитали года, и вышло — три тысячи лет. Ты подумай только—три тысячи лет! Это дерево росло в самые древние времена. Вот если бы этот кипарис мог рассказать все, что он видел!

СОДЕРЖАНИЕ

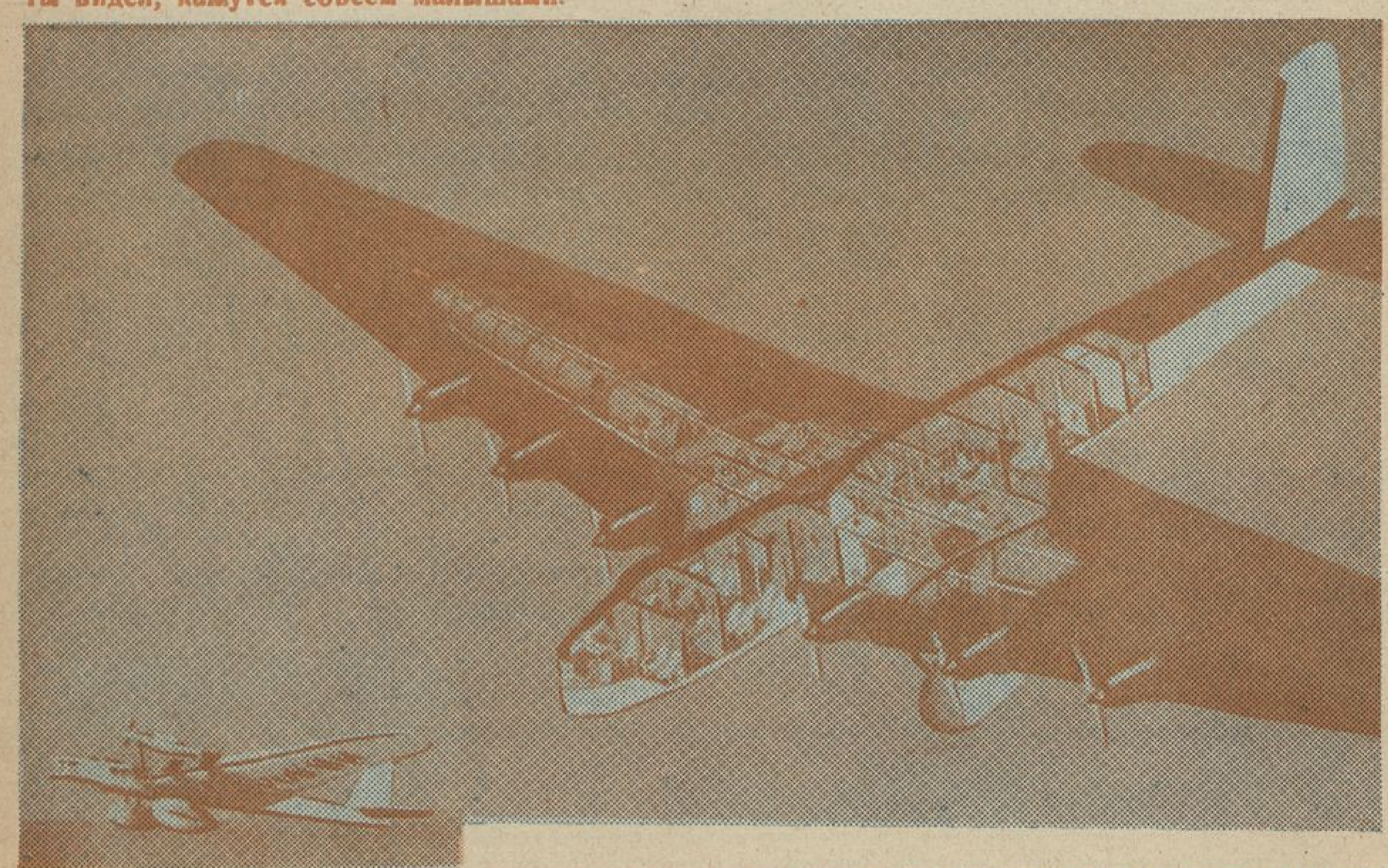
Редколлегия: Асеев Н., Барто А., Маршак С. Смирнова С., Степанова А., Шифрин Н. Ответ. редактор Венгров Н.
Оформление Веретенников В
Уполном. Главлита № Б—33.975 Зак, 1820 Тираж 130 000

Тип. „Крестьянская газета“. Москва, Сущевская, 21.

Самолет - гигант „Максим Горький“

Это самый большой в мире самолет. Он так велик, что рядом с ним самолеты, которые ты видел, кажутся совсем малышами.

Его верхний пропеллер на уровне трехэтажного дома, его колеса в два метра высоты. Если поставить его на крыло стоймя рядом с домом, то он будет выше дома в двадцать два этажа. И этот гигант летит со скоростью 260 километров в час, имея на борту команду в 23 человека и 45 пассажиров.

Это не только самый большой в мире самолет, но это летающий агитатор. На этом самолете есть: типография — печатать газеты самолета; кино — показывать на остановках картины десяти тысячам человек; радиостанция с таким громкоговорителем, что речи с самолета далеко, далеко слышны на земле. А в полете команду передают по телефону самолетной телефонной станции.